

DOI: 10.17516/1997-1370-0812
УДК 165.4, 17.022

Conceptualization of Cognitive Relativism as a Socio-Cultural Problem

Nataliya A. Korol^a, Grigoriy A. Illarionov^a
and Viacheslav I. Kudashov^{*a,b}

^a*Siberian Federal University*

Krasnoyarsk, Russian Federation

^b*Krasnoyarsk State Medical University*

Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 05.06. 2021, received in revised form 04.07.2021, accepted 06.07.2021

Abstract. The article is devoted to the consideration of cognitive relativism as a socio-cultural problem expressed in the popular concept of post-truth. In approaches to cognitive relativism, two lines of thought are distinguished, which are analyzed on the basis of the well-known concepts of representatives of each of them – the concept of «bullshit» by G. Frankfurt and the version of the concept of «post-truth» put forward by S. Fuller. The difference between the concepts explaining the causes, consequences and strategies of behavior in the context of the social problem of cognitive relativism is due to the difference in the position regarding the objectivity of the opposition «truth-false». The realistic attitude to truth, from which G. Frankfurt proceeds, implies a view of relativism as bullshit – a way of utterance, which is characterized by cognitive «dishonesty», consists in the discrepancy between the content of the utterance and the real state of affairs, the truth. The relativistic attitude to truth is reflected in the understanding of post-truth by S. Fuller as universal for the history of thought of the struggle for power, which he traces from the time of the dispute between Plato and the sophists about truth. Each of the concepts expresses one of the possible lines of methodology and strategy of behavior in the conditions of prevalence of cognitive relativism in modern culture – the intention to overcome post-truth and return to the ideals of the validity of knowledge in the case of G. Frankfurt, and the intention to pluralism and free «knowledge game» in the case of relativists, in particular, S. Fuller.

Keywords: socio-cultural problem, cognitive relativism, post-truth, bullshit, truth, knowledge, G. Frankfurt, S. Fuller.

Research area: philosophy; culturology.

Citation: Korol, N.A., Illarionov, G.A., Kudashov V.I. (2022). Conceptualization of cognitive relativism as a socio-cultural problem. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, 15(5), 652–665. DOI: 10.17516/1997-1370-0812.

Концептуализация познавательного релятивизма как социально-культурной проблемы

Н.А. Король^а, Г.А. Илларионов^а, В.И. Кудашов^{а,б}

^аСибирский федеральный университет

Российская Федерация, Красноярск

^бКрасноярский государственный медицинский университет

им. В. Ф. Войно-Ясенецкого

Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению познавательного релятивизма как социально-культурной проблемы, выражаемой в популярном концепте постправды. В подходах к познавательному релятивизму выделяются две линии мысли, которые анализируются на материале известных концептов представителей каждой из них – концепте «брехня» (bullshit) Г. Франкфурта и версии концепта «постправда», выдвигаемой С. Фуллером. Разница между концептами, объясняющими причины, последствия и стратегии поведения в условиях общественной проблемы познавательного релятивизма обусловлена различием в позиции относительно объективности оппозиции «истина-ложь». Реалистическое отношение к истине, из которого исходит Г. Франкфурт, подразумевает взгляд на релятивизм как на брехню – способ высказывания, которому свойственна познавательная «недобросовестность», заключающаяся в несоотнесении содержания высказывания с реальным положением дел. Релятивистское отношение к истине отражено в понимании постправды С. Фуллером как универсальной для истории мысли борьбы за власть, которую он отслеживает со времен спора Платона и софистов об истине. Каждый из концептов выражает одну из возможных линий методологии и стратегии поведения в условиях преобладания в современной культуре познавательного релятивизма – интенцию к преодолению постправды и возврата к идеалам обоснованности знания в случае Г. Франкфурта и интенцию к плюрализму и свободной «игре в знание» в случае релятивистов, в частности С. Фуллера.

Ключевые слова: социально-культурная проблема, познавательный релятивизм, постправда, брехня, истина, знание, Г. Франкфурт, С. Фуллер.

Научные специальности: 09.00.00 – философские науки; 24.00.00 – культурология.

Введение в проблему исследования

Проблематика критериев истины и ее релятивизма является одной из древнейших в истории человеческой мысли. Еще у Платона в диалоге «Теэтет» (Plato, 1994) мы встречаем аргументацию против релятивизма. Однако древность спора не помешала ему актуализироваться в начале XXI в. в форме, выходящей далеко за пределы эпистемологических штудий философии и науки. В политическом, социальном, обыденном дискурсах активизировалось обсуждение трудностей различения в со-

временной культуре истинного и ложного, объективного и субъективного, реального и не реального. Иными словами, в информационный век познавательный релятивизм превратился из эпистемологической проблемы в проблему социально-культурную.

Социально-культурная проблема познавательного релятивизма, осмысление которой в рамках данной работы становится исследовательской целью, проявляет себя на всех уровнях социальных отношений. Политические процессы сопровождаются информационными войнами, ору-

жием которых стал фейк, разоблачение, контрразоблачение, «лжецы обвиняют лжецов во лжи». В экономической сфере спекулятивность, отсутствие корреляции с материальным производством, приобретают все больший размах, примером чего могут служить криптовалюты. В обыденных отношениях сформирована альтернативная социальность интернета, в рамках которой происходящее оценивается не кодом истинное/ложное, а кодом информация/неинформация, как это описывал в отношении массмедиа Н. Луман (Luman, 2006). Если выражать социально-культурную проблему познавательного релятивизма тезисно, это можно сделать следующим образом: осознаваемая невозможность для человека в рамках современной культуры определения истинности или ложности социально значимой информации приводит к ее релятивизации.

Актуальность проблематики познавательного релятивизма нашла выражение в концепте постправды, ставшем одной из популярнейших категорий дескрипции социокультурных феноменов современности. Взлет популярности данного концепта принято связывать с политическими событиями последнего десятилетия такими, как выход Великобритании из ЕС и избрание Д. Трампа президентом США. Своего рода формальное признание постправда получила, когда была названа авторитетным словарем Oxford Languages словом года в 2016 г. Тогда же постправда обрела свое наиболее распространенное определение как «обстоятельства, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям» (Oxford Languages, 2016).

Цель и методология исследования

Целью данного исследования станет соотнесение и сравнение подходов к познавательному релятивизму как социокультурной проблеме, выделение основных позиций и их критический анализ. В качестве материала исследования и примера будут взяты концепт постправды в трактовке

С. Фуллера и концепт брехни Г. Франкфурта, часто связываемый с постправдой.

Методологической основой исследования будет компаративистский концептуальный анализ постправды и брехни как репрезентантов позиций в отношении проблематики социокультурной роли познавательного релятивизма. Одним из методологических принципов данной работы станет социальная эпистемология, рассматривающая взаимосвязь социальных отношений и концептуализации знания. Наконец, рассматривая постправду и брехню, мы будем обращаться к различным исследованиям в отечественной и зарубежной литературе на связанные темы.

Концепт постправды

Популяризация термина «постправда» стала показателем возрастания актуальности проблематики истины и ее релятивизма в широком социокультурном контексте. Впрочем, ошибочно будет утверждать, что трансформация познавательного релятивизма в обсуждаемую социально-культурную проблему произошла внезапно и не была подготовлена более ранней ее концептуализацией.

Релятивизм выступал центральным лейтмотивом в эпистемологических исследованиях таких авторов, как П. Фейрабенд (Feuerabend, 1986) или Р. Рорти (Rorty, 1997), обращавшихся к нему с прагматических позиций как к основанию для снятия методологических и категориальных ограничений, присущих отдельным дискурсам и парадигмам, с целью конструирования свободного целесообразного познания, позволяющего использовать любые доступные человечеству методы решения возникающих задач. В роли обоснования программ социального переустройства релятивизм фигурирует в многочисленных критических теориях второй половины XX в., а также в работах постструктуралистов, таких как Ж. Деррида с его деконструкцией и борьбой с центризмами (Derrida, 2000) или М. Фуко с его эпистемами (Fuko, 1994).

Именно с внедрением постмодернизма в массовое сознание часто связывают

наступление эпохи постправды. Например, исследователь концепта «правда» в русской культуре М. В. Черников пишет, что «постмодерн на место Правды ставит постправду ... постправда порывает всякую связь с истиной и конституируется только через эмоциональную вовлеченность и субъективную убедительность» (Chernikov, 2020). Критика познавательного релятивизма как общественной проблемы также была распространена в XX в. В этом качестве он критиковался в эссе М. Блека «Господство надувательства» (Black, 1982) и более поздней и известной в широких кругах работе Г. Франкфурта «О Брехне» (Frankfurt, 2008).

Исследовательская проблема, стоящая перед нами, заключается в амбивалентности дискурса вокруг познавательного релятивизма как социокультурной проблемы и вокруг концепта постправды в частности. Как отмечает Н. Н. Ростова, постправда несет в себе двойственность и, в зависимости от позиции авторов относительно объективности оппозиции истины и лжи, имеет разное содержание (Rostova, 2018). В тех случаях, когда речь о релятивизме ведут авторы – сторонники объективности истины, такие как М. Блек и Г. Франкфурт, мы имеем дело с фиксацией, описанием и попытками объяснения «затопления» социума различными версиями лжи, полуправды, квазиправды и т. п. В случае же сторонников релятивистского подхода, таких как автор большого исследования постправды С. Фуллер (Fuller, 2018), речь идет об «истине» как социальном конструкте и основании социальных отношений, о роли и исторической динамике критериев истины в структуре социума, преимущественно в отношениях власти и подчинения. Общим моментом двух линий рассуждения становится только сам факт проблематизации познавательного релятивизма как социокультурного феномена.

Контексты постправды и брехни

Прежде чем приступить к определению заявленных концептов, следует конкретизировать область их распространения.

Проблематика истинности, привычно находящаяся в области ведения эпистемологии, в случае концептов постправды и брехни выходит за эти рамки. Речь идет не только и не столько о процедурах познания и установления истинности или ложности его результатов, сколько об их реализации в более широких культурных контекстах, способах и механизмах распространения и влиянии этих механизмов на «потребителей» знания, воздействия знания на социальное поведение. Авторы концептов, несмотря на апелляцию к эпистемологическим категориям истинности и ложности, логике и научным методам, обращаются к этосу и пафосу в той же степени, что и к логосу.

Постправда и брехня подразумевают, что познавательный релятивизм является больше чем принципом познания, он описывается как максима социального поведения, реализуемая на разных уровнях социального бытия – обыденном, политическом, научном, философском. Лучше всего разница между эпистемологическим и социокультурным контекстами проблематики познавательного релятивизма выражается в различии между англоязычным «post-truth» и русскоязычной «постправдой».

Англоязычное «truth» означает «истина», что даже в случае релятивистского его понимания вызывает коннотации скорее с консенсуально-экспертной концепцией истины (Lebedev, 2018), сугубо эпистемологическим, познавательным ее аспектом. Русскоязычная «правда» отсылает одновременно к истине и нравственному к ней отношению, выражающихся не только в знании и познании, но и ценностной их реализации. Правду не только познают, это «истина на деле, истина во образе, во благе; правосудие, справедливость», как ее определял словарь Даля (Dal', 1907: 985). И несмотря на то, что post-truth популяризовано было в англоязычной среде, речь в этом концепте, как и в концепте брехни Г. Франкфурта, идет скорее о правде, об «истине на деле». Так и в нашей работе – мы рассматриваем версии того, как эпистемологические и философские концепции истины или ее релятивизма повлияли на культуру в целом

и как, в свою очередь, находились под ее влиянием.

Приступая к рассмотрению концептов постправды и брехни, следует отметить разницу их генезиса. «Брехня» является авторским концептом Г. Франкфурта, основанным на анализе им более раннего концепта «надувательства» М. Блека (Frankfurt, 2008:11–19). Содержание концепта брехни сформировано на основании целенаправленной исследовательской работы, она определена своим автором и в определенном виде «выходит в массы».

Возникновение же концепта постправды спонтанно, его невозможно приписать конкретному автору, его содержание нечетко и в настоящий момент. Постправда является очередной итерацией попыток описания проблематики релятивистского отношения к истине, которая может быть отслежена вплоть до античных времен. Она присутствует в разнородных формах и системах, например в эссе Ф. Ницше «Об истине и лжи во вненравственном смысле», где он говорит о том, как люди создают истину посредством мифов, метафор и поэзии (Nitzsche, 2021), или в эссе М. Вебера «Наука как признание и профессия», где прочерчивается граница между фактами и ценностями, когда истину в отношении фактов можно установить и проверить научными средствами в отличие от ценностей (Veber, 2012).

Иными словами, содержание концепта постправды начало формироваться задолго до самого термина, который впервые прозвучал в 1992 г. в рамках политического анализа С. Тесичем манипулятивной деятельности американских СМИ в отношении войны в Персидском заливе (Nikolaevich, 2018), созвучной идеям симулякров Ж. Бодрийера на ту же тему (Bodrijuar, 2016). С этого момента слово «постправда» стало инструментом политической критики, применяемым как указание на манипулятивность и симулякрный характер утверждений оппонентов. Постправда не имеет четкой концептуальной определенности, меняя свое содержание в зависимости от целей субъектов политического процес-

са, разоблачающих оппонентов, либо целей и мировоззренческих позиций исследователей.

Брехня как концепт выражает эпистемологическое и социальное убеждение в отношении роли познавательного релятивизма в социуме, постправда же возникает как спонтанное выражение общественного умонастроения, проблематизирующего тотальное присутствие познавательного релятивизма в дискурсе, не обеспечивая этому умонастроению четкого теоретизированного характера.

Содержание концепта «брехня»

Определим содержание концепта «брехни». Стоит отметить, что русскоязычная его версия не в полной мере выражает семантику, содержащуюся в оригинальном англоязычном варианте, в силу соображений корпоративных приличий и благопристойности русскоязычного научного сообщества. Оригинальное bullshit можно перевести на русский множеством образов, часть из которых находится в области табуированной лексики, в связи с чем переводчиками было выбрано слово «брехня». Это слово часто ассоциируется с ложью в русском языке, однако для концепта Г. Франкфурта разделение лжи и брехни имеет ключевое значение. Общим моментом лжи и брехни является то, что они имеют целью введение в заблуждение, дезинформацию слушателя. Отличие же их состоит в разнице целей лжеца и брехуна и способах соотнесения высказываемого с истиной.

Первым признаком различия лжи и брехни Г. Франкфурт называет недобросовестность. Он поясняет это примером из воспоминаний о Л. Витгенштейне его знакомой Ф. Паскаль. Однажды Паскаль, находящаяся на лечении, беседуя с Витгенштейном, произнесла фразу «я чувствую себя как собака, которую переехала машина», вызвавшую негодующий ответ «откуда ты можешь знать, как чувствует себя собака, которую переехала машина?» (Frankfurt, 2008: 45). Безотносительно того, насколько серьезен был Витгенштейн и насколько ситуация имела место быть, она

демонстрирует то, что Франкфурт назвал недобросовестностью – произнесение высказываний, которые говорящий никак не соотносит с реальностью. Брехун равнодушен к тому, насколько его высказывание истинно или ложно, для производства брехни даже не требуется этого знать. Ведь для того чтобы солгать, необходимо понимать, что сказанное не является истинным. В том же случае, когда говорящему все равно, соответствует ли истине его высказывание, он не совершает ошибки, поскольку для того, чтобы ошибаться, требуется желание высказать истину, у брехуна же оно отсутствует. Причем брехня, порожденная безотносительно истины, необязательно ложна, «брехун извращает факты, но это не значит, что в итоге они не соответствуют действительности» (Frankfurt, 2008: 83). Именно пренебрежение истиной, обесценивание самой интенции к производству и высказыванию истинного знания называет Г. Франкфурт недобросовестностью, свойственной брехне.

Но с какой целью порождают брехню и чем эти цели отличаются от целей лжеца? Цель лжеца – «замещение конкретной неправдой своего места в системе взглядов, чтобы не допустить туда проникновения правды» (Frankfurt, 2008: 87). Подобная цель сковывает лжеца необходимостью руководствоваться истиной, ведь успешность лжи требует целенаправленности, порожденной четким пониманием, в чем именно состоит ложь. Чтобы солгать, лжец должен знать реальное положение вещей в отношении предмета его высказываний. Брехун свободен от этих ограничений, поскольку не имеет целей обмануть в отношении фактов, его цель – обмануть в отношении своих действий и намерений, выставить их не тем, чем они являются. Цель брехни – скрыть отсутствие у него интереса к реальному положению вещей, или исказить обстоятельство его неосведомленности об истинности или ложности своих высказываний, или скрыть отсутствие связи между целями брехни и предметом высказывания. Иными словами, брехуну все равно, что и о чем он говорит, неважно, истинна или ложна ин-

формация, важно только соответствие ее задачам брехуна. Скрыть свои реальные мотивы – вот основная цель брехни.

Очевидно, что брехня, которую концептуализирует Г. Франкфурт, не ограничена каким-либо временными рамками эпохи или общественной ситуации, являясь универсальным атрибутом коммуникации, так или иначе присутствующим в культуре. Однако именно во второй половине XX в. ее присутствие становится в культуре всеобъемлющим и тотальным. Так, исследователь риторики Б. Маккомиски, анализируя познавательный релятивизм в его наиболее популярном политическом развороте, приходит к выводу о том, что большая часть политических высказываний, причисляемых к постправде, не ложь, а именно *bullshit*, брехня (McComiskey, 2017). В чем причина такого «затопления» социума брехней?

Причины пролиферации брехни в современном обществе, выделяемые Г. Франкфуртом, можно охарактеризовать как социально-коммуникативные и мировоззренческие. Количественное разрастание социальной коммуникации вследствие ее технологического развития ведет к ситуации, когда человек вынужден высказываться по огромному количеству поводов, в отношении которых он не может быть компетентен. Иными словами, люди для достижения своих целей вынуждены постоянно говорить о том, чего не знают и, возможно, не хотят знать, что приводит их к небрежению истиной и порождению всеобъемлющей брехни. Мировоззренчески ценность истины как стремления к отражению реального положения вещей разлагается популяризацией «антиреалистических» познавательных установок, в качестве которых Франкфурт, вероятно, имеет в виду те или иные виды прагматизма (П. Фейрабенд, Р. Рорти) и постмодернизма (Frankfurt, 2008: 105). Следует заметить, что такое объяснение представляется слишком простым, относящимся риторически скорее в этосу, нежели логосу.

Концепт Г. Франкфурта является весьма популярным средством объяснения познавательного релятивизма современности,

будучи систематизированной и доступно изложенной позицией сторонника реалистического понимания истины. Слово «реализм» в отношении концепций истинности мы используем в том же смысле, в каком его использовал Р. Рорти, критикуя идущую от Платона и Декарта линию мысли, рассматривающую знание как «зеркало природы» – отражение в мышлении реальности, а истину – как ее полное и адекватное отражение (Rorty, 1997). И с реалистическим характером воззрений Г. Франкфурта связаны ограничения его концепта брехни.

Недостаток концепта брехни в объяснении механизмов и причин актуализации познавательного релятивизма в культуре заключается в том, что он имеет силу только в том случае, если мы признаем объективность истины, а стремление к ней признаем благом. Позиция Г. Франкфурта требует признания реалистического понимания истины не только в качестве методологического принципа, но и в качестве этической максимы, подразумевающей, что мы способны оставаться в рамках универсальной системы эпистемологических координат. Разрастание брехни в этом случае проблематизируется в познавательном и социокультурном аспектах как препятствие на пути познания реальности, ориентации в ней и ее преобразования, она становится еще одним «идолом познания» в ряду Ф. Бэкона.

Слабость, делающая реалистический подход Г. Франкфурта к познавательному релятивизму в культуре недостаточным для ее объяснения, заключается в том, что он опирается на корреспондентное понимание истины и верификационную стратегию ее проверки. Если для преодоления «идола брехни» мы должны соотносить свои высказывания с истиной, т. е. с фактами, мы сталкиваемся с невозможностью с опорой на факты обосновать свое собственное стремление соотносить свои высказывания с фактами. Неслучайно при всей реалистической направленности работа Франкфурта содержит обширную этическую аргументацию – она служит для обоснования стремления к «добросовестной» опоре на фак-

ты, которое фактически обосновано быть не может, будучи ценностью. И это переводит концепт брехни в область борьбы мнений, когда наша ценностная оценка тех или иных парадигм обуславливает, что мы назовем «добросовестным» высказыванием, а что – брехней. Таким образом, факты становятся вторичны по отношению к личным убеждениям, что почти дословно соответствует определению постправды Оксфордским словарем.

Примеры того, как в качестве брехни воспринимается утверждение, сделанное в рамках иной парадигмы истинности, можно встретить в тех случаях, когда говорящий и слушающий являются носителями мировоззрений, относящихся к разным культурным парадигмам. Проиллюстрируем это примером, относящимся к привлечшему широкое внимание российской общественности конфликту в г. Екатеринбурге в 2019 г. по поводу проекта строительства собора великомученицы Екатерины и храма на месте сквера у Драмтеатра. Каждая из сторон этого конфликта могла признать истинным высказывание, выражающее собственную позицию, а аналогичное высказывание другой стороны – ложным. Но как они воспримут не тезисы, а аргументацию друг друга? Чем будет для антиклерикально настроенных граждан высказывание архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского Кирилла: «...И вот Спаситель, Источник воды живой – мешает фонтану; Христос, освятивший Своими стопами Генисаретское озеро, – изгоняется с Исетского пруда, а Господу, произрастившему «из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая» (Быт. 2:9), – не находится места среди Его собственных деревьев...»? (Sajt Ekaterinburgskoj eparhii, 2019). Человек, сколько-нибудь знакомый с общественным дискурсом вокруг религии в России, легко ответит на этот вопрос – антиклерикалы воспримут такое высказывание как брехню, как способ скрыть реальные намерения духовенства к получению желаемого. С другой стороны, для христиан отсылки к Писанию будут вполне «добросовестным»

высказыванием, вписывающимся в критерии определения истинности и ложности.

Смысл данного примера состоит в том, что идентификация брехни совершается не столько высказывающим ее, сколько слушающим. Это помещает разговор о брехне в замкнутый круг несоотнесенности ценностей и мировоззрений, что приводит нас вновь к познавательному релятивизму.

Содержание концепта «постправда»

Концепт, преодолевающий обозначенное выше затруднение в объяснении положения познавательного релятивизма в культуре, предложил философ С. Фуллер, рассматривая релятивизм с релятивистских позиций. Фуллер не предлагает новых терминов, используя термин «постправда», однако с исторических позиций деконструирует его привычное значение (Fuller, 2018).

В отличие от Г. Франкфурта, которого познавательный релятивизм интересует как препятствие познанию и распространению истинного знания в социуме, С. Фуллер рассматривает знание и социальные отношения, выстраиваемые вокруг институтов производства знаний, как *power games*, т. е. борьбу за власть. Если мы в данной работе ставим вопрос о том, как эпистемологические аспекты познавательного релятивизма реализуются в культуре, то для Фуллера эпистемологическое и социокультурное заведомо недифференцированы, будучи отношениями власти, рассматриваемыми на разных уровнях их функционирования. Основным средством концептуализации постправды для Фуллера становятся исторические аналогии. Причем аналогии проводятся между историей эпистемологии и политической историей, в чем выражается основа подхода Фуллера: эпистемология и политика есть одно и то же, а постправда и познавательный релятивизм – одни из модусов процесса осуществления власти (Fuller, 2018).

В духе *power game* Фуллер трактует объективистское отношение к истине как способ властвования. Он проводит аналогию с имперской политикой Британской

империи, поскольку оба нацелены на формирование пространства обмена товарами и идеями, однако отводят ее создателям привилегированную позицию, с которой вынуждены считаться включаемые в это пространство (Lisanyuk, Perova, 2020). Физика, математика становятся точкой привилегированного доступа к истине, которые как бы «сдаются в аренду» представителями объективистского понимания истины. В продолжение аналогии Фуллера отказ от присоединения к «пространству свободной торговли» трактуется как варварство. В случае политики Британской империи варварство есть отказ от цивилизованного развития и прогресса, в случае эпистемологии – отказ от интенции к истинности, недобросовестность, о которой писал Г. Франкфурт, что позволяет признать знание, производимое за пределами «цивилизованного» пространства, брехней и постправдой. Как иллюстрацию нашего продолжения аналогии Фуллера мы можем привести концепты «туземной» и «провинциальной» науки (Sokolov, Titaev, 2013), обсуждаемые в российской науке, которые даже на уровне семантики отсылают к варварству, производящему с позиций привилегированного доступа в лучшем случае наивные трюизмы.

Но если мы отвергаем объективистское понимание истины, чем она является и по отношению к чему постправда является «пост»? Истина рассматривается Фуллером как источник модальной власти, объясняемая на базе еще одной исторической аналогии – на этот раз с высказыванием О. Бисмарка о политике как «искусстве возможного». Это значит, что те, кто владеют истиной, т. е. определяют ее границы, очерчивают ее контекст, вырабатывают ее критерии, задают целеполагание в отношении истины, получают власть над общественным мнением, способны судить о том, что возможно, а что нет, что может служить целью и основанием деятельности, а что деятельности недостойно. Как Бисмарк отсекал от политики нереализуемые мечтания, утопические планы и разные виды демагогии, так и обладающие модальной

властью, даруемой статусом носителей критериев истины власть, имеют возможность отсекают от социума все, что сочтут невозможным, несовместимым с истиной. Если вспомнить метафору Р. Рорти о понимании реалистами-объективистами знания как «зеркала природы», т. е. модальная власть, о которой говорит С. Фуллер, – это возможность манипуляции «зеркалом», своеобразного антииллюзионизма, когда природа отражается лишь тем образом, каким носитель модальной власти сочтет истинным, отсекая отражения, которые он сочтет «иллюзорными».

Первым известным примером борьбы за модальную власть над истиной, порождающей постправду, С. Фуллер считает противостояние двух линий античной мысли – софистической, утверждающей в качестве основного критерия истины принцип «человек есть мера всех вещей», и платоновской, утверждающей что «знание есть обоснованное истинное мнение» (Shevchenko, 2019). Подобное размножение истин, происходящее вследствие непрекращающейся в дальнейшей истории мысли борьбы за власть, С. Фуллер и считает постправдой. Актуализация ее в начале XXI в. в рамках подобного подхода предстает еще одним обострением универсального процесса «игры престолов» модальной власти, обладающей спецификой, но не являющейся особым культурным феноменом, свойственным именно этой эпохе.

Взгляд С. Фуллера на общественное значение познавательного релятивизма деконструирует познавательный релятивизм в духе социального конструктивизма, провозглашая истину искусственным конструктом властных отношений, а постправду – нормальным состоянием вещей. Поиск истины в эпистемологии и поиск правды в социально-политической сфере превращаются в перманентную игру, проходящую различные фазы, где подъем релятивистских настроений в современном социуме – фаза нарастания активности участников борьбы за модальную власть. В этом и кроется главный недостаток подхода Фуллера: если мы признаем любой

дискурс, вводящий категории истинности и ложности, игрой, мы должны будем признать игрой и любой разговор об истине, который ни к чему не ведет, кроме продолжения игры в дальнейшем, т. е. не имеет цели. Если релятивиста такой взгляд может удовлетворить, то эпистемологические реалисты, подобные Г. Франкфурту, или сторонники тех или иных политических, религиозных, научных или философских систем признают такой подход «недобросовестной» брехней, обладающей ценностью только как остроумный софизм.

Сравнительный анализ содержаний концептов «постправда» и «брехня»

Итак, рассмотрев два концепта, выражающих разнородные понимания проблемы познавательного релятивизма в современной культуре, сделаем на этом основании ряд суждений. Несмотря на то что брехня и постправда могут быть используемы и часто используются как близкие и даже взаимозаменяемые категории, в их основе лежат значительно различающиеся содержания.

Первое и ключевое значимое различие – характер проблематизации познавательного релятивизма как общественного явления. Если в познавательном аспекте проблематизация не отличается в обоих концептах, ставя своими целями определение характера, причин и перспектив происходящих в общественном сознании процессов, то в качестве социокультурной проблемы познавательный релятивизм как брехня и как постправда сильно различаются.

В случае брехни, или постправды, понимаемой как брехня, или ином реалистическом подходе к познанию социокультурная проблема заключается в том, что релятивизм мешает нормальному функционированию познавательной и практической деятельности, что приводит к интенции не быть введенным в заблуждение, это актуально как для отдельных индивидов, так и для социума в целом. Это рождает спрос на исследование и обучение искус-

ству критического мышления как способности видеть истину, закрытую пеленой лжи и брехни. В качестве примера можно привести известную книгу Д. Левитина «Путеводитель по лжи. Критическое мышление в эпоху постправды» (Levitin, 2018). Эта работа ставит вполне практическую цель, отражающую прагматический смысл проблематики, – разработка и распространение критического мышления, разоблачение постправды и противостояние ей. Прагматическая интенция мыслящего субъекта эпохи постправды имплицитно, но отчетливо предстает как императив «не быть обманутым».

Для релятивистов, подобных С. Фуллеру, социокультурную проблему составляет не столько познавательный релятивизм, сколько сама истина как проявление модальной власти. И состояние постправды есть способ демократизации истины, осознание относительности процесса познания, происходящее вследствие распространения образования и свободной коммуникации в эпоху цифровой трансформации. Иными словами, знание всегда было релятивным, постправда есть осознание и внедрение этой мысли в массовое сознание, что не проблема, а закономерный этап развития. Распространение релятивистских настроений в культуре же не проблема, а новый этап общественной рефлексии, этап своеобразного осознанного релятивизма уже не для философов, а для масс. В значительной степени подход С. Фуллера согласуется с более ранними взглядами Х. Арндт, для которой истинное противопоставлено политическому (для Фуллера же любая истина есть политика), а единственным истинным сознанием можно назвать экзистенциально-рефлексивное, подразумевающее, что любые властные отношения всегда ложны или, в нашем случае, постправдивы, поскольку «истиной можно назвать то, чего мы не можем изменить» (Arendt, 2003).

Вторым различием в понимании социокультурной роли познавательного релятивизма в концептах брехни и постправды выступает методология, обусловленная обозначенной выше разницей в проблема-

тизации и понимании оппозиции «истина-ложь». Реалисты будут воспринимать познавательный релятивизм в духе концепта брехни, что делает основным методом работы с ней логику и основанную на логике риторику, подобно тому, как это делают Д. Левитин и Б. Маккомиски. Релятивисты же, подобно С. Фуллеру, исходят из социального конструктивизма, подразумевая истину, ложь, постправду и т. д. как относительные конструкты восприятия. Основной методологией в таком случае будет характерный для «левой» философии социально-критический подход, основными приемами которого являются исторические аналогии, анализ реализации структур власти и подчинения, разоблачение объективистских иллюзий однозначности и определенности. Любопытно, что применительно к проблематике социально-культурной роли познавательного релятивизма политическая ангажированность, которую принято считать чертой прежде всего критических конструктивистских теорий, будет в равной степени присуща обоим методологическим подходам.

И именно в сфере практико-политической ангажированности лежит третья, наиболее значимое за пределами философии и науки различие концептов брехни и постправды, отражающее разницу двух подходов к культурной значимости социального релятивизма. Речь идет о разнице в проектной, практической интенции, следующей из разных пониманий оснований релятивистских настроений в современном социуме.

В отношении социального положения познавательного релятивизма реалисты-объективисты оказались консерваторами. В случае явных реалистов, подобных Г. Франкфурту, мы можем наблюдать консерватизм, выражающийся в констатации упадка традиции Просвещения, требующей для знания четкости, обоснованности и логической строгости. Кант, декларируя идеалы Просвещения, позиционировал его в значительной степени как «...выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной

вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого... Ведь так удобно быть несовершеннолетним!» (Kant, 2012:1).

Когда в 2016 г. тенденцией года было провозглашено «преобладание эмоций и личных убеждений над объективными фактами» (Oxford Languages, 2016), это понималось реалистами как впадение общества в массовый инфантилизм, регресс разума, грозящий общественным регрессом. И консерватизм в отношении познавательного релятивизма означает здесь требование возврата к идеалам обоснованности, потерянным в эпоху постправды. Этому же дискурсу придерживаются и сторонники сциентистского релятивизма в виде консенсусно-экспертного понимания истины. Для них познавательный релятивизм есть институциональная потеря, пренебрежение уже не к самой истине, а к социальным институтам, эту истину компетентно вырабатывающим. Этот дискурс особенно популярен в российской научной среде, где тема упадка влияния научных институтов, заменяемых квазинаучными бюрократическими аналогами, сочетается с традиционалистскими призывами к возврату к идеализируемой советской системе организации науки и образования. В качестве примера подобных работ можно привести статью профессоров П. А. Ореховского и В. И. Разумова, красочно описывающих проблемы российского образования и науки, замененных антиобразованием и антинаукой, инверсией карнавала, как его понимал М. М. Бахтин (Orekhovskij, Razumov, 2020).

Таким образом, практическо-политическую интенцию реалистов в отношении познавательного релятивизма, рассматриваемых нами на примере концепта брехни Г. Франкфурта, можно выразить следующей формулой – «познавательный релятивизм в культуре следует преодолеть для возврата к идеалам определенности и обоснованности истины».

Иная практическо-политическая интенция вытекает из релятивистского понимания, рассматриваемого нами на примере

концепта постправды в версии С. Фуллера. Она носит куда менее определенный характер. Не случайно в своей работе Фуллер регулярно акцентирует внимание на игровом характере культурных процессов, связанных с познанием и политикой, которые для конструктивистов неотделимы друг от друга. И существует два способа играть – либо непосредственное участие, как это делали софисты, либо определение для других правил игры, как это делают реалисты, начиная с Платона. Эта игра универсальна для истории знаний, отличие нашего времени состоит только в том, что мы начинаем играть осознанно, современная культура понимает, что является игрой. И справедливо будет замечание к С. Фуллеру, что и само его исследование – это тоже только игра (Lisanyuk, Petrova, 2020), и как игра она не подразумевает какого-либо конечного результата, хотя и имеет переходящий приз в виде модальной власти. Соответственно, основная практическая интенция подобного подхода будет носить вполне софистический характер – извлечь из этой игры возможный уровень выгоды и удовлетворения, которые служат единственной мерой успеха в условиях постправды.

Итак, мы тезисно определим интенцию релятивистов следующим образом: необходимо принять и осознать универсальность познавательного релятивизма и осознанно вступить в древнюю игру в знание, призом которой является власть.

Социально-культурное значение познавательного релятивизма, независимо от способов его осмысления, очевидно нарастает и продолжит нарастать в ближайшие годы. Рассмотренные нами концепты отражают две возможные стратегии отношения к этому процессу со стороны исследователей, выбор между которыми, или их синтез, обусловят структуры реакции современного мира на постправду. Является ли культурная ситуация постправды историческим эксцессом, еще одним препятствием, которое развитие знания должно преодолеть на пути своего развития, или новой реальностью культуры, которая

будет все сильнее проявлять себя в ближайшие годы? Ответ на этот вопрос определит и одновременно будет определяем концептуализацией проблематики познавательного релятивизма в социуме. Два концепта, рассмотренных нами, больше чем просто идеи, методологии или точки зрения, они отражают два пути мысли в отношении дальнейшего развития знания, в борьбе или возможном синтезе которых будет выработано отношение к истине. Как она будет пониматься, останется ли ценностью в наступающей эпохе и, согласно Канту, что мы должны делать относительно релятивизма истины, а на что мы можем надеяться в результате нашего выбора?

Выводы

Подведем итог нашей работы:

1. На эпистемологическом и культурном уровнях в современном обществе наблюдается актуализация проблематики познавательного релятивизма, наиболее заметным выражением чего является популярность концепта постправды.

2. Концептуализация познавательного релятивизма как социально-культурной проблемы проходит в двух основных формах, различающихся отношением к объективности оппозиции «истина-ложь», что рассматривается на примере концепта брехни Г. Франкфурта и концепта постправды в трактовке С. Фуллера.

3. В концепте брехни (bullshit) Г. Франкфурта выявляется особый модус высказываний, для которых истинность или ложность не значимы. Цель брехни – ввести слушателя в заблуждение относительно своих мотивов и осведомленности о предмете высказывания, которые могут как соответствовать реальности, так и не соответствовать. Брехня – это познавательная «недобросовестность», когда говорящему все равно, как сказанное им соотносится с истиной. Современный социум, по мнению Франкфурта, производит возрастающее количество брехни, заполняющей каналы коммуникации и препятствующей познанию и деятельности, базирующихся на обоснованности знания.

4. Концепт «постправды» в версии С. Фуллера предполагает познавательный релятивизм как универсальный для истории мысли процесс «игры в знание» – борьбы за власть, осуществляющейся через контроль над критериями истинности, что позволяет задавать границы считающегося возможным или невозможным в социуме. Подъем релятивистских тенденций в культуре связан с демократизацией «игры в знание», когда образование и развитие коммуникации открывают широкий и легкий доступ к ней.

5. Различие между рассматриваемыми подходами к познавательному релятивизму заключается в разнице в проблематизации, методологических подходах и практической интенции, из подходов вытекающих. Каждый из подходов выражает стратегию поведения человека в исторической ситуации постправды.

6. Реалистический подход к познавательному релятивизму, подразумевающий объективность оппозиции «истина-ложь», выражаемый в концепте брехни Г. Франкфурта, проблематизирует познавательный релятивизм как препятствие познанию и практической деятельности, когнитивную «недобросовестность», постулируя интенцию к преодолению релятивистских тенденций на эпистемологическом и социальном уровнях. Методологически эта стратегия опирается на аппарат логики и верификационизм, ценностно же апеллирует к возврату идеалов Просвещения.

7. Релятивистский подход, выражаемый в исследовании постправды С. Фуллером, исходит из социально-конструктивистской методологии, применяя структурный анализ истории знания посредством исторических аналогий между разнородными феноменами культуры, преимущественно касающихся структур власти и подчинения. Для такой стратегии нежелательным является скорее стремление к объективной истине, нежели релятивизм. Подъем релятивизма есть форма прогрессирующей рефлексии массового сознания, которое вследствие развития коммуникации и образования при-

нимает участие в борьбе за модальную власть, однако на современном этапе люди массово начинают делать это осознанно. Основная практическая интенция и стра-

тегия этого подхода заключаются в принятии «игры в истину», участии в ней, приспособлении ее к личным и групповым целям и потребностям.

Список литературы / References

- Arendt, H. (2003). *Lyudi v temnye vremena [People in the dark times]*. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy. 312 p.
- Black, M. (1982). The Prevalence of Humbug, In *Philosophic Exchange*: Vol.13: No.1, Article 4. Pp. 2–23.
- Bodriijyar, J. (2016). *Duh terrorizma. Vojny v zalive ne bylo [The spirit of terrorism. There was no war in the gulf]*. M. 224 p.
- Chernikov, M. V. (2020). Vozmozhna li filosofiya Pravdy v epohu sovremennosti? [Is the philosophy of Truth possible in the modern era?] In *Svobodnaya mysl'*. 1 (1679), 197–210.
- Daľ, V.I. (1907). *Tret'e izdanie tolkovogo slovarya zhivogo velikoruskago yazyka [The third edition of the explanatory dictionary of the living Great Russian language]*, T. 3, SPb. Tip. M. O. Vol'fa.
- Derrida, J. (2000). *O grammatologii [About grammatology]*. M.: Ad Marginem. 520 p.
- Feyerabend, P. (1986). *Nauka v svobodnom obshchestve [Science in a free society]*. *Izbr. rab. po metodologii nauki*. M.: Mysl'. 560 p.
- Frankfurt, G. G. (2008). *K voprosu o brekhne [On bullshit]*. M.: Evropa. 120 p.
- Fuko, M. (1994). *Slova i veshchi. Arheologiya gumanitarnykh nauk [Words and things. Archeology of the Humanities]*. SPb.: A-cad. 408 p.
- Fuller, S. (2018). *Post-truth. Knowledge as a power game*. London: Anthem Press, 209 p.
- Kant, I. (2012). Otvet na vopros: Chto takoe Prosveshchenie? [The answer to the question: What is Enlightenment?]. In *Obrazovatel'naya politika*. 3 (59).
- Lebedev, S.A. (2018). Dve paradigmy prirody nauchnoj istiny. [Two paradigms of the nature of scientific truth] In *Zhurnal filosofskikh issledovaniy*. 4, 3–11.
- Levitin, D. (2018). *Putevoditel' po lzhi. Kriticheskoe myshlenie v epohu postpravdy. [A guide to lies. Critical thinking in the post-truth era]*. M.: Mann, Ivanov i Ferber. 272 p.
- Lisanyuk, E. N., Perova, N. V. (2020). Stiv Fuller i ego igra v znanie v usloviyah post-pravdy [Steve Fuller and his knowledge game in post-truth] In *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*. 53, 221–257.
- Luman, N. (2006). *Differenciatsiya [Differentiation]*. M.: Logos, P. 190–192.
- McComiskey, B. (2017). *Post-truth rhetoric and composition*. Logan, UT: Utah State University Press. 52 p. DOI: 10.2307/i.ctt1w76tbg
- Nikolaevich, I.S. (2018). *Kak nas obmanyvayut SMI. Manipulyatsiya informaciej [How the media deceive us. Information manipulation]*. SPB.: Piter. 320 p.
- Nitzsche, F. (2021). *Ob istine i lzhi vo vnenravstvennom smysle. [About truth and falsehood in an extramoral sense]*. available at: /http://www.nietzsche.ru/works/other/about-istina/ (accessed 18.03.2021).
- Oxford Languages* (2016). URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/> (accessed 25.01.21).
- Orehovskij, P. A., Razumov, V. I. (2020). Vremya karnavala: rossijskaya vysshaya shkola i nauka v epohu postmoderna [Carnival time: Russian higher education and science in the postmodern era]. In *Idei i idealy*. 3–1, 77–94.
- Plato. (1994). *Teetet [Teetet]* In *Sobranie sochinenij*. T. 2. M.: Mysl'. P. 192–274.
- Rorti, R. (1997). *Filosofiya i zerkalo prirody [Philosophy and the mirror of nature]*. Novosibirsk: NSU. 320 p.
- Rostova, N.N. (2018). Filosofskaya analitika idei postpravdy [Philosophical Analytics of the Post-Truth Idea]. In *Hristianskoe chtenie*. 6, 130–138.

Sajt Ekaterinburgskoj eparhii. (2019). Available at: <http://ekaterinburg-eparhia.ru/news/2019/06/16/21165/> (accessed: 21.03.21).

Shevchenko, A.A. (2019). Postpravda kak novyj «rezhim istiny» [«Post-truth» as a new «regime of truth»]. In *Gumanitarnyj vector*. 4, 8–14.

Sokolov, M., Titaev, K. (2013). Provincial'naya i tuzemnaya nauka [Provincial and Indigenous Science]. In *Antropologicheskij forum*. 19, 239–275.

Veber, M. (2012). Nauka kak prizvanie i professiya [Science as a vocation and profession] In *Razvitiye lichnosti*. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauka-kak-prizvanie-i-professiya-1> (accessed 18.03.2021).